

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

≡ ВЕСТНИК ≡ ПРОСВЕЩЕНЦА.

===== ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ =====
ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
===== ЖУРНАЛ =====
ОРЕНБУРГСКОГО ГУБОНО и ГУБПРОСА.

== № 5-6 (8-9) ==
МАЙ-ИЮНЬ 1926 Г.

г. Оренбург.
5 Гостилографи Орендолиграф.
1926.

формы комками в 5 см. высотой 15 см. длиной и 10 шириной. Почвенные монолиты берутся в специально сделанных узких и длинных ящиках глубиной в 6—8 см., длиной в 70—100 см. и шириной в 15—20 см. В передней, главной стенке разрезы вырезается ящик во всю длину почвенного профиля соответственно размерам ящика, который после отвинчивания крышки надвигается на вырезанной выступ. После этого монолит осторожно отваливается от «материка», постепенно срезается вся лишняя земля.

Выравненный и сложенный до краев ящика монолитный образец закрывается привинчивающейся крышкой и переносится в школу. Если школа расположена близко от места взятия монолита, то последний можно и без крышки доставить на место и установить на слегка наклонной подставке. Отдельные образцы в черноземах берутся со следующих глубин: от 0 до 5, от 10 до 15, от 20 до 25 см. и дальше в глубь через каждые 15 см. О том, как использовать взятые образцы почвы в школе для занятий поговорим в следующий раз.

Если изучение местных почв проводить планомерно из года в год, захватывая все новые и новые участки в результате через несколько лет школа сможет получить более или менее точную карточку тяготеющего к школе района (селения, волости и т. п.).

М. Рожанец

А. С. ПУШКИН в Оренбурге.

(К 127 годовщине со дня рождения поэта — 6 июня 1799 г.).

I.

В 1833 году А. С. Пушкин приступил к написанию „Истории Пугачевского бунта“. Главнейшие события Пугачевского восстания протекали в Оренбургском крае; в архиве Оренбургского губернатора хранились ценнейшие материалы. А. С. решил на месте изучить эти материалы, а также посетить исторические места—города Оренбург и Уральск и побеседовать с живыми свидетелями восстания.

Оренбургский край в то время представлял собою отдаленную провинцию, добраться до которой из центра было не особенно легко. Свое путешествие А. С. начал из Москвы через Нижний, Казань и Симбирск. Особенно доволен он остался от поселения в Казани.

„Здесь я возился со стариками, современниками моего героя, писал он жене от 8 сентября,—объезжал окрестности города, осматривал места сражения, спрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту страну*“.

На пути из Симбирска в Оренбург с А. С. случилось маленькое приключение, заставившее его вернуться с дороги обратно в Симбирск и изменить избранный им сначала маршрут. Вот что пишет он жене по этому поводу от 14-го сентября:

„Я опять в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал я на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Чорт его побери! Дорого бы я дал, чтоб его затравить!“...

* Письма А. С. Пушкина.

„На третьей станции стали закладывать мне лошадей—гляжу: нет ямщиков—один еленой, другой пьяный спрятался. Пошумев извез мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой“.

Скучная дорога, пьяные ямщики, грязь, клопы и тараканы на ночлегах оставили в душе поэта отвратительное впечатление об этом путешествии, и унылая пустыньность края нашла свое описание на страницах „Капитанской дочки“.

Не малю неприятностей доставлял А. С. сопровождавший его слуга. „Одно меня сокрушает, писал А. С. жене,—человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста: глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня да и только“.

В Оренбург А. С. приехал 18-го сентября.

„Я здесь со вчерашнего дня, писал он из Оренбурга своей жене 19-го сентября,—насилу доехал—дорога прескучная, погода холодная; завтра еду к ямщикам казакам, пробуду у них дня три—и отправлюсь в деревню через Саратов и Пензу“.

Однако на завтра А. С. к ямщикам казакам не поехал и прожил в Оренбурге до 25-го сентября.

А. С. собрал в Оренбурге богатейший материал, как для „Истории Пугачевского бунта“, так и для своей знаменитой „Капитанской дочки“.

А. С. беседовал с местными старожилыми, помнившими Пугачева, по рассказам которых он нарисовал облик своего героя, с которыми мы все знакомы по «Капитанской дочке».

Оренбургская ученая архивная комиссия, ко времени пушкинских торжеств в 1899 г. по случаю столетней годовщины со дня рождения поэта, собрала весьма интересный материал о пребывании его в г. Оренбурге. Ввиду значительного общественного интереса, который представляет этот материал и сейчас, мы позволяем себе предложить его широкому кругу читателей.

II.

Сохранился рассказ Н. П. Иванова, бывшего воспитанника Неплюевского корпуса, который был свидетелем приезда А. С. в Оренбург. По рассказу Иванова в момент приезда поэта он находился в квартире директора корпуса инженер-полковника Артюхова, к которому будто бы А. С. заехал с дороги, как к старому лицейскому товарищу.

Вот что рассказывает Иванов об этом случае в своих «очерках и воспоминаниях»^{*)}.

Однажды вечером, когда семья Артюхова садилась за чай, с улицы послышался стук подвезжавшего экипажа. В комнату вбежал мальчик, одетый в череску, и сообщил, что приехал «генерал» Пушкин. Вслед за мальчуганом вошел господин в дорожной шубе, укутанный шарфом. Это был А. С.

Снимая шубу, он рассказывал:

— Какой то вихрь, а не мальчишка, прокричал мне: «барин дома»..

— Дома, дома, приветливо отвечал хозяин, помогая гостю раздеться.

*) Хивинская экспедиция 1839--1840 г. СЛБ 1873.

— Здравствуй, трегубый! обратился А. С. к хозяину, верхняя губа которого была рассечена, отчего казалось, что у него три губы.

А. С. приехал в субботу. Хозяин предложил ему по русскому обычаю с дороги помыться в бане, на что он с удовольствием согласился.

Любопытный кадет пробрался в баню, продолжая наблюдать знаменитого поэта.

Гость и хозяин продолжали свой разговор. Артюхов спросил А. С., как ему понравилась дорога.

А. С. ответил экспромтом:

Дорога ваша—сад для глаз;
Повсюду ямы, лес, каналы.
Работы было много, много славы,
Да жаль проезду нет подчас.
От деревьев, на часах стоящих,
Проезжим мало барыша.
Дорога, скажут, хороша,
Но я скажу—для проходящих.

Дело в том, что в 1833 г. в Оренбургскую губ. приехал только что вновь назначенный военный губернатор В. А. Перовский. Поразившись отсутствием леса в окрестностях Оренбурга, энергичный губернатор решил превратить их в цветущий сад. Он начал с дорог, приказав засадить их деревьями.

Местное население было выгнано на работу. Рыли ямы и каналы, сажали деревья. Очевидно эту картину наблюдал А. С. в пути, а потом зарисовал ее в метком экспромте.

— А. С., посмотри в зеркало: не похож ли ты на венеру Медицинскую? пошутил Артюхов, когда А. С. разделся.

— О, без сомнения, быстро ответил поэт! только для полноты сходства ты должен вообразить ее степенство во второй половине беременности...

Таким образом по свидетельству этого очевидца А. С., по приезде в г. Оренбург, остановился в квартире директора Неплюевского корпуса, от которого он уже переехал в квартиру военного губернатора В. А. Перовского. Однако показания Иванова расходятся с показаниями И. И. Дала.

III.

Неизменным спутником А. С. в Оренбурге был известный писатель и друг поэта В. И. Даль, который в это время служил в Оренбурге на должности чиновника особых поручений при военном губернаторе.

Пушкин прибыл неожиданный и нечаянный, писал Даль о приезде А. С. в Оренбург.—Он остановился в загородном доме военного губернатора В. А. Перовского, а на другой день перевез я его отсюда; ездил с ним в историческую Бердскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым, указывал на Георгиевскую колокольню, куда Пугачев поднял пушку, чтоб обстреливать город,—на остатки земляных работ между Орскими и Самарскими воротами, приписываемых преданием Пугачеву, на Зауральную рошу, откуда Пугачев пытался прорваться по

лду в крепость, открытую с этой стороны,—говорил о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улицу собирать пятаки, коими Пугачев сделал несколько выстрелов по городу, вместо картечи, о так называемом секретаре Пугачева—Сычугове, в то время еще живом, о бердинских старухах, которые еще помнят золотые палаты Пугачева, т. е. обитую медною латуною, избу *).

Не смотря на то, что А. С. пробыл в Оренбурге всего пять дней, он все таки успел принять участие в поездке на охоту в с. Тапшы, имени помещика Тимашева. Охота эта описана Далем в рассказе „Охота на волков“.

Из рассказа Даля видно, что А. С. действительно познакомился с одним офицером в Оренбурге, попарившись у него в бане, распивавшей охотничьи сцены. А. С. дал ему слово прислать свою „Историю Пугачевского бунта“, как только она выйдет из печати. Он не забыл данного обещания, но забыл фамилию и адрес этого офицера, почему прислал для него книгу на имя Даля с надписью: „Тому офицеру, который сравнивал вальдшнепа с Валленштейном“.

Приезд А. С. в Оренбург всколыхнул местную молодежь. Всем хотелось видеть знаменитого поэта, но это было трудно, т. к. он был очень занят.

Две барышни, знакомые жены Даля, узнали от нее, что вечером А. С. будет в кабинете мужа. Против окон кабинета росло высокое дерево. Барышни забрались в сад, влезли на дерево и через окно стали рассматривать поэта. Они видели как он над чем-то хохотал, но разговора из за двух рам не было слышно. Рассказ этот показывает, на сколько в Оренбурге интересовались личностью великого поэта.

IV.

Военный губернатор В. А. Перовский, в квартиру которого перевез Даль А. С. Пушкина, был ему знакомый по Петербургу. Он принял поэта с большим радушием и оказал ему массу ценных услуг по собиранию архивных материалов. По приказанию Перовского почти все писцы губернского Правления были засажены за выписки из архивных дел, необходимые А. С. Но А. С. интересовался не одними архивными документами. Его тянуло к живым свидетелям знаменитого восстания, к оренбургским старожилам.

В 7-ми верстах от Оренбурга находится Бердская станица, знаменитые Берды, бывшая столица Пугачева, в которой находилась его ставка в течении 6-ти месяцев, осады города.

Бердская станица расположена на берегу р. Сакмары. В пугачевское время она представляла собой небольшую крепостцу, обнесенную деревянным ослотом, со рвом и рогатками. В то время в ней было около 200 дворов. Гарнизон крепости составляли 100 жалованных казаков и другие „нижнего звания люди“, которые все перешли на сторону Пугачева.

Пугачев назвал Берды „Москвой“, как Сеитовский посад (в 18 в. от Берд) он называл „Петербургом“, а Сакмарский городок (ныне станица Сакмарская в 35 в. от Оренбурга)—„Киевом“.

* Н. Н. Модестов „В. И. Даль в Оренбурге“. Труды Оренб. уч. Арх. комиссии т. XXVII. Оренбург 1913 г.

А. С. отправился в Берды, где были в живых старики, прекрасно помнившие Пугачева.

Весьма интересен рассказ оренбургского купца Н. А. Кайдалова, которому во время посещения А. С. Оренбурга было 16 лет. Кайдалов жил у своего родственника, сотника Оренбургского казачьего войска Гребенщикова, бывшего атамана Бердской станицы. В день приезда А. С. в Берды Кайдалов вместе с Гребенщиковым собирали бердских старожиллов в одну избу для беседы с поэтом.

А. С. приехал в Берды с Далем.

Я с восторгом и трепетом наблюдал знаменитого поэта, рассказывал потом Кайдалов. Он среднего роста, смуглый, лицо кругловатое с небольшими бакенбардами; волосы на голове черные, курчавые, недолгие, глаза живые, губы довольно толстые. Одет в сюртук, застегнутый на все четыре пуговицы, сверху шинель суконная с бархатным околышем и обшлагами, на голове измятая поярковая шляпа. На большом пальце левой руки и на указательном пальце правой были одеты перстни; ногти на пальцах длинные, лопатками. В фигуре и манерах было что-то чрезвычайно оригинальное.

А. С. вошел в избу, где его ожидали старожилы, сел к столу, вынул записную книжку и стал расспрашивать стариков, записывая их рассказы в книжку.

Одна старушка, современница Пугачева, спела ему песню, сложенную про Пугачева, А. С. просил ее повторить. По окончании расспросов он rozdal старикам несколько монет и уехал в Оренбург.

Бердским старикам он не понравился и произвел неприятное впечатление: он вошел в комнату, не снимая шляпы, не перекрестился на иконы; он имел большие ногти, за которые суеверные жители прозвали его „антихристом“, а новенькие монеты, rozdанные им, считали фальшивыми *).

V.

Одна из старожилок Берд, казачка Акулина Тимофеевна Блинова, которой в 1899 г. было 86 л., прекрасно помнила приезд А. С. в Берды. Вот что она рассказывала об этом одному из членов Оренбургской ученой комиссии.

В каком году приезжал Пушкин, я не помню, только помню, что день выдался теплый и ясный. Двое каких то господ, одетых в штатское платье, шли по улице: один высокий, другой пониже, курчавый; мы в это время сидели вместе со старушкой казачкой Бунтовой, которая нянчилась ребят. Господа, заметив древнюю старушку, подошли к ней.

Курчавый, обращаясь к Бунтовой, спросил: не знаешь ли ты, бабушка, что про Пугачева?

— Как не знать, знаю, батюшка, ответила Бунтова: даже песню могу про него спеть.

Господа попросили ее спеть песню. Старушка спела.

— Правда, правда бабушка, говорят господа, а сами смеются. А ну-ка, спой еще!

Бунтова спела им две песни. Какие слова этих песен, я не помню, рассказывала Блинова, только были такие слова:

*) Труды Оренб. уч. Арх. комиссии т. VI. Оренбург 1894 г.

Ты ворона-ли ворона,
Загуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола поймать....

Эта песня, повидимому, была сложена казаками про генерала Кара, а отсюда слово кара-карга—(т. е. ворона), который был послан из Казани против Пугачева и потерпел от него решительное поражение.

Я все смотрела на курчавого господина, продолжала рассказ старушка; у него лицо белое, а губы большие, толстые. Да уж очень занял меня ноготь на пальце, длинный предлинный, у нас таких не носят *).

А. С. и Даль попросили Бунтову показать дом, где жил Пугачев. Дом этот стоял на большей улице, на углу, с красной стороны. Теперь это место казака Козлова. Он был на 6 окон. Со двора открывался чудесный вид на р. Сакмару и озеро. За рекой растилась лес. За околицей станицы виднелись журавли колодцев, которые тихо поскрипывали. Был ясный сентябрьский день. Вокруг все было тихо. Ничто не напоминало бурных дней Пугачевской эпохи. Заглядевшись на эту картину, рассказывала старушка,—курчавый господин сказал: „здесь прекрасно“.

VI.

После беседы с А. С. Пушкиным старушка Бунтова стала знаменитостью. Ее стали посещать литераторы и вообще интересующиеся личностью Пугачева люди.

А. С. в одном из писем к жене, между прочим, о ней писал:

„В деревне Берде, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел я une bonne fortune—нашел 75-ти летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобой помним 1830 год. Я от нее не отставал; виноват, и про тебя не думал“.

Через 2 месяца, после посещения А. С. Берд, Бунтову посетила одна москвичка, оставившая свои записки.

„Вчера мы ездили в Берды к старушке, с которой беседовал А. С. Пушкин. Мы посетили ее с той же целью. Вошедши в избу, мы увидели ее сидящей на печи, окруженную молоденькими девочками и детьми. Старуха была свежая, здоровая, даже не безубая, а говорят, что при Пугачеве ей было 20 лет. На наши распросы она стала охотно рассказывать о Пугачеве.

— Знала, батюшка, знала, как теперь на него гляжу: мужик был плотный, здоровый, плечистый, борода русая, окладистая, ростом не болно велик, но и не мал, немного пониже вашего благородия, сказала старушка обращаясь к спутнику москвички.

— Как же! Хорошо знала его и присягала ему вместе с другими

Увлечшись воспоминаниями, старушка рассказывала один эпизод за другим о пребывании Пугачева в Бердах.

— И разнесся в нашей слободе слух, что изволил прибыть царь Петр Федорович, рассказывала старушка.

— Прискакали курьеры, пособрали народ: так, мол, и так—приготовьтесь встречать законного Вашего царя, потому, что он жаует Вас крестом и бородой, землями и угодами разными.

*) Труды Оренб. уч. Архив. комиссии т. VI—Оренбург 1899 г.

— Скоро и другой слух прошел, что несметная рать движется, крепость за крепостью берет, комендантов вешает, казну забирает, непокорных наказует...

— Долго-ль, коротко-ль—услыхали мы тонот конский, загремели пушки; прикакали гонцы: все башкиры больше, да „севрюжники“.

— Покоритесь, говорят.—Покорились: народ разоделся, на светлый праздник, высыпал на улицу, девки да бабы в два ряда, как солдаты стоят. Поп с крестом вылез на паперть; атаман казацкий „хлеб соль“ приготовил.

— Не заставил себя ждать и сам неведомый гость. Тьма тьмущая остановилась на Сакмарской дороге, лагерь разбили. Песня пошла. Скоро прибыл и сам. С колокольни звон раздался; поп ветрел его с крестом, но тот в храм не вошел, как из киржаков происхождение имел и осенялся большим крестом.

— Манифесту тогда прочитали; народ упал на колени и был земные поклоны.

— Сам-от „хлеб соль“ принял, обещание дал на вольности разные, нашу слободу Москвой величал; ряды девок обошел, борки, ленты, да маниеты жаловал; иных, что по приглядней, ласкать изволил, деньги раздавал...

— А колокола все гудят, все гудят. В храме божьем служба идет, государь Петра Федоровича с Катериной Лексеевной поминают.

— Царь, как его тогда величали, выкатил для народа бочку с вином, своего енерала приставил...

Вдруг старушка спохватилась:

— Я говорю Вам, а сердце то у меня не спокойно, сказала она. Кто знает, за чем Вы спрашиваете меня о Пугачеве? Онамедни тоже приезжали господа и один меня заставил рассказывать. А наши бабы пришли ко мне, да и говорят: „Смотри, старуха, не болтай на свою голову—ведь он антихрист!“ Это они говорили про Пушкина.

Собеседники стали разуверять старушку, что с нею беседовал не антихрист, а великий русский писатель А. С. Пушкин.

Да и я так думаю, согласилась Бантова: ведь с ним был приятель наш полковник Артюхов, а уж он не захотел бы ввести нас в беду. Старушка задумалась.

— А ведь бабы то как меня напугали, сказала она после некоторого раздумия. Много тут их набежало, когда тот барин меня спрашивал, я и песни ему пела про Пугача. Показал он мне портрет: красавица такая написана.

— Вот, говорит, она станет твои песни петь, т. е. красавица, которая написана на портрете.

— Только он со двора—бабы все так на меня накинулись: кто говорит, что его подослали, что меня теперь в тюрьму засадят за мою болтовню; кто говорит—антихрист—видела у него когти-то какие? да и в писании сказано, что антихрист будет любить старух, заставит их песни петь и деньгами дарить станет.

— Испугалась я,—в постель слегла со страху. Наконец велела заложить телегу и поехала в Оренбург. Приехала прямо к начальству. Говорю: смилуйтесь, защитите, коли чего напела на свою голову—захворала я от дум!

— Смеются. Не бойся, говорят,—это ему сам царь позволил о

Пугачеве везде расспрашивать. Ну уж тут я и успокоилась и никого не стала слушать*).

Из рассказа Бунтовой, записанного неизвестной нам москвичкой, видно, что А. С. в Берды сопровождал не только Даль, но и полковник Артюков, у которого остановился А. С. по приезде в Оренбург. Или он ездил в Берды не один раз.

VII.

Не с одной старушкой Бунтовой беседовал А. С. в Бердах. Расспрашивал он о Пугачеве и других бердских старожилов. Неохотно вступали в разговоры казаки с неизвестным человеком, который особенно смущал их своими длинными ногтями.

— А, ну-ка, дедушка, расскажи, сделай милость, про Пугача? обращался А. С. к какому нибудь старику.

— Для кого Пугач, а для меня царь батюшка, сердито отвечал казак.

Однако ласковое обращение поэта, щедрые подарки, а иногда и стаканчик вина, делали свое дело. Старики мало по малу начинали говорить, и А. С. из их рассказов записал не мало ярких штрихов, характеризующих личность Пугачева.

Между прочим А. С. здесь услышал такой рассказ. Однажды Пугачев пошел в Бердскую церковь. Он был одет в польском кунтуше, на голове была киргизская шапка. Не снимая шапки, он прошел в алтарь и сел на престоле.

— Ах, давно я не сидел на прародительском престоле! Сказал он окружающим.

Услышав этот рассказ, А. С. от души расхохотался.

По рассказам старожилов А. С. записал приметы Пугачева:

„Лет сорок от роду, роста среднего, смугл, худощав, волосы темно-русые, борода черная, клином, верхний зуб вышиблен, на левом виске белое пятно, на обеих сторонах груди—черные пятна от болезни, именуемой в народе „черной немочью“. Глаза у Пугачева острые, пронизательные, взор страховитый,—характерные черты, за которые народ его прозвал Пугачем“.

А. С. Пушкин уехал, но посещения Берд странным кудрявым гостем и его подозрительные распросы о Пугачеве смущали умы суеверных бердских обывателей. Они собрались на станционный сход и, обсудив положение, составили приговор, который и отправили на имя начальника края генерала Перовского.

Перовский получил этот приговор, когда еще А. С. был в Оренбурге. Оренбургское Общество, чувствуя поэта, устроило ему торжественный обед. На этом обеде Перовский во всеуслышание прочитал приговор бердских любомудров.

— Был у нас неизвестного звания человек с товарищами, писали Бердцы: роста среднего, лицом смугл, волосом черен и курчав, на пальцах заместо ногтей—когти, *подбивал под пуначевичину и дарил золотом**).*

Гомерический хохот был ответом на это донесение. Больше всех смеялся А. С.

*) Труды Оренб. уч. арх. комиссии т. VI. Оренбург 1899 г.

**) Труды Оренбург уч. арх. Комиссии т. VI—Оренбург. 1899 г.

VIII.

Несмотря на то, что А. С. Пушкин приехал в Оренбургский Край „по высочайшему повелению“, за ним и здесь следило недремлющее жандармское око, правда, с большим запозданием, т. к. почтовые сношения того времени были на столько несовершенны, что бумаги, посланные вслед поэту, отстали от него на целый месяц.

А. С. выехал из Оренбурга 23 сентября. Ровно через месяц Перовский получил от Нижегородского военного губернатора Буторлина бумагу следующего содержания:

„С.-Петербургский обер-полицмейстер секретно 20-го минувшего сентября за № 264 уведомил меня, что по высочайше утвержденному положению Государственного Совета, объявленному Предместнику его предписанием С.Петербургского губернатора от 19-го августа 1828 года за № 211-м, был учрежден в столице секретный полицейский надзор за образом жизни и поведением известного поэта—титularного советника Пушкина, который 14-го сентября выбыл в имение его, состоящее в Нижегородской губ.

Известаясь, что он, Пушкин, намерен отправиться из здешней в Казанскую и Оренбургскую губернии, долгом считаю о вышеизложенном известить ваше превосходительство, покорнейше прося, в случае прибытия его в Оренбургскую губ. учинить надлежащее распоряжение об учреждении за ним во время пребывания его в оной, секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его“.

Перовский на отношении этом наложил следующую резолюцию: „Отвечать что сие отношение получено через месяц по отбытии господина Пушкина отсюда, а потому, хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как останавливался он в моем доме, то я лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский Край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий“.*).

Дело об учреждении полицейского надзора за А. С. Пушкиным хранится в местном музее вместе с гипсовой маской поэта, перешедшей от В. И. Даля.

А. Рязанов

---

*). Секо. дела Оренбургского воен. губ. 1833 г. № 78 „об учреждении тайного надзора за прибывшим временно в Оренбург поэтом тит. советн. Пушкиным“.